

Глаголев С. С. [Некролог.] Профессор Дмитрий Федорович Голубинский (род. 19 мая 1832 г., † 3 ноября 1903 г.) / С портретом // Богословский вестник 1904. Т. 1. № 1. С. 130–161 (3-я пагин.).

ПРОФЕССОРЪ

Димитрій Θεодоровичъ Голубинскій

(1832 г. 19 мая—1903 г. 23 ноября).

Московская Духовная Академія лишилась старѣйшаго члена изъ своей корпораціи. Сошелъ въ могилу профессоръ Академіи по естественнo-научной апологетикѣ Димитрій Θεодоровичъ Голубинскій. Съ нимъ, можно сказать, сошла въ могилу старая Академія. Почти полвѣка московская Академія управлялась властною рукою митрополита Филарета, и это управленіе могуче сказывалось на всѣхъ сторонахъ жизни Академіи. Особенно оно сказывалось на работахъ профессоровъ, на всѣхъ учено-литературныхъ трудахъ выходившихъ изъ Академіи. Димитрій Θεодоровичъ среди профессоровъ Академіи былъ послѣднимъ, на которомъ всецѣло отразился духъ школы первой половины XIX столѣтія, онъ былъ живымъ воплощеніемъ традицій школы за первое полстолѣтіе ея существованія, онъ твердо зналъ эти традиціи и свято хранилъ ихъ. Своими воспоминаніями о прошломъ онъ служилъ живою лѣтописью для Академіи. Но онъ является не только выразителемъ духа воспитавшей его эпохи, онъ представляетъ собою то лучшее въ нравственной сферѣ, что могли создать своимъ воспитательнымъ вліяніемъ лучшіе представители тогдашней богословской школы. Представлявшій собою по выработкѣ характера, по твердости своихъ нравственныхъ принциповъ, по строгости своихъ правилъ жизни исключительно высокое нравственное явленіе, онъ, являясь по своимъ традиціямъ человекомъ для насъ прошлой эпохи, по своимъ нравственнымъ

Димитрій Теодоровичъ
ГОЛУВИНСКІЙ.

качествамъ являлся для насъ человѣкомъ изъ другого міра.

Онъ былъ сыномъ профессора Академіи Феодора Александровича Голубинскаго, котораго называютъ родоначальникомъ русскаго теизма. Философъ-священникъ, соединившій въ себѣ высокое образованіе и глубоко-смирненное благочестіе, былъ воспитателемъ своего сына и въ жизни сталъ для него идеаломъ. У Феодора Александровича было девять человѣкъ дѣтей, изъ нихъ пятеро умерли очень маленькими, остались въ живыхъ дочь Марія и сыновья: Сергѣй, Димитрій и Петръ. Димитрій родился въ 1832 г. 19 мая. Жена Феодора Александровича Анна Ивановна, урожденная Кутневичъ, сестра извѣстнаго протопресвитера Кутневича, была родомъ изъ западнаго моголевскаго края. Ея мать, бабушка Димитрія Феодоровича, помнившая и знавшая еще Георгія Конисскаго, кажется, была для Димитрія Феодоровича первой учительницей исторіи. Своими разсказами о прошломъ она доводила маленькаго мальчика отъ его настоящаго (около 40-го года XIX столѣтія) почти на цѣлое столѣтіе назадъ—къ половинѣ XVIII вѣка. Можетъ быть эти разсказы бабушки—правдивые, назидательные и содержательные—впервые возбудили въ мальчикѣ любовь къ тому, что было, къ тѣмъ, которые умерли. Безъ сомнѣнія вся высоконравственная семья Голубинскихъ направляла мысль мальчика такъ, что изъ прошлаго нужно выбирать хорошее, что не все должно вспоминать, что для нравственнаго блага настоящаго и будущаго пороку полезно забыть кое-что прошедшее.

Дѣтство Димитрія Феодоровича не долго было свѣтлымъ и радостнымъ. Ему не было еще девяти лѣтъ, когда умерла его мать. А затѣмъ послѣдовательно и непрерывно смерть стала отнимать у него одного за другимъ близкихъ ему людей. Въ 1844 г. Димитрій Феодоровичъ послѣ домашняго приготовленія поступилъ въ виванскую семинарію. Ему было всего лишь 12 лѣтъ и самъ онъ, какъ говорилъ, не желалъ сѣбѣ сѣсть съ своимъ образованіемъ, онъ просилъ своего родителя дозволить ему остаться на повторительный курсъ въ младшемъ классѣ или, кажется, просилъ о томъ, чтобы ему не поступать въ Академію непосредственно по окончаніи курса. Феодоръ Александровичъ не согласился. Тѣмъ об-

стоятельствомъ, что ему не давали передохнуть при прохожденіи образованія, Димитрій Θεодоровичъ отчасти былъ склоненъ объяснить то, что ему не удалось узнать нѣмецкаго языка. Онъ зналъ только французскій. Вѣроятно занятія нѣмецкимъ откладывались за недосугомъ въ томъ положеніи, что учитель нѣмецкаго языка былъ всегда на лицо: Θεодоръ Александровичъ преподавалъ нѣмецкій языкъ и прекрасно владѣлъ имъ. Юный Голубинскій въ семинаріи уже велъ дневникъ, который потомъ продолжалъ всю жизнь. Интересно, что при тогдашнихъ порядкахъ даже Димитрій Голубинскій оказывался заслуживавшимъ наказанія. Такъ профессоръ Ключаревъ, впоследствии архіепископъ харьковскій Амвросій, два раза ставилъ его столбомъ въ классѣ. Разумѣется, оба раза по недоразумѣнію. Въ 1843 г., когда Димитрій Θεодоровичъ перешелъ въ богословскій классъ, 26 сентября митрополитомъ Филаретомъ онъ былъ посвященъ въ стихарь, т. е. въ степень церковнаго чтеца и онъ дорожилъ этою степенью и говорилъ, что не считаетъ себя вправѣ искать степеней высшихъ. Поднимался вопросъ о принятіи имъ монашества, еще серьезнѣе и упорнѣе поднимался вопросъ о принятіи имъ священства, но онъ оставался міряниномъ или—вѣрнѣе—монахомъ въ міру. Очень можетъ быть, что мысль о священствѣ занимала его. Молиться за другихъ и себя предъ престоломъ, совершать безкровную жертву за близкихъ и знаемыхъ, это казалось высокимъ счастьемъ для его отца, для Александра Васильевича Горскаго, такъ это должно представляться и всякому благочестивому человѣку. Димитрій Θεодоровичъ, рассказывая о томъ, какъ его склоняли къ священству, говорилъ: „вѣдь, предъ принятіемъ сана я долженъ исповѣдаться во всѣхъ грѣхахъ моей жизни, а вдругъ священникъ бы нашелъ у меня такой грѣхъ, который дѣлаетъ невозможнымъ мое посвященіе“. И онъ остался въ стихарѣ, стихарь онъ обыкновенно надѣвалъ 30 сентября и читалъ въ академическомъ храмѣ паремьи наканунѣ храмоваго праздника и дня акта Академіи и въ стихарѣ онъ завѣщалъ похоронить его, что и исполнено.

Въ 1849 г. Димитрій Θεодоровичъ лишился двухъ своихъ дядей, изъ которыхъ одинъ и жилъ въ домѣ его родителя. Въ 1850 г. онъ поступилъ въ Академію. Академическіе годы

были для него не только годами полученія высшаго образованія, но и годами полученія высшихъ уроковъ терпѣнія. Его старшій братъ Сергѣй, студентъ Академіи, страдалъ чахоткою, онъ болѣлъ долго и умеръ въ концѣ января 52-го года. На похоронахъ простудился младшій Голубинскій—Петръ, и scarlatina въ три дня унесла его въ могилу. Сестра Димитрія Феодоровича еще въ 1847 г. вышла замужъ (она умерла въ 1858 г.) такъ, что Димитрій Феодоровичъ остался теперь одинъ въ семьѣ своего родителя. Скоро онъ долженъ былъ остаться совсѣмъ однимъ. Въ 1854 г. онъ окончилъ курсъ пятымъ магистромъ и былъ оставленъ при Академіи бакалавромъ по кафедрѣ физики и математики. Феодоръ Александровичъ подалъ въ отставку и отправился на свою родину въ Кострому, гдѣ неожиданно схватилъ холеру и скончался 22 августа. Мы слышали, что Димитрію Феодоровичу предлагали бесплатно занимать казенную квартиру представленную его родителю, но онъ отклонилъ это предложеніе, онъ нанялъ себѣ домъ въ Посадѣ около церкви св. Ильи пророка, перенесъ туда обстановку, въ которой жилъ его отецъ, и не внося никакихъ новшествъ, прожилъ здѣсь до смерти. Пытался, правда, было онъ устроить въ своей квартирѣ звонокъ, но назойливые посѣтители приходившіе къ нему съ просьбами обрывали у него звонки, и онъ прекратилъ попытки ихъ устроить. Приходившіе къ нему возвѣщали о своемъ прибытіи стукомъ въ окно нижняго этажа, гдѣ находилась прислуга, и тогда имъ отпиралась дверь.

Отъ своего родителя Феодора Александровича Димитрій Феодоровичъ получилъ наслѣдство только не такое, какое дѣти обыкновенно получаютъ отъ отцовъ. Отецъ оставилъ сыну бѣдныхъ, которыхъ призрѣвалъ и которыхъ теперь долженъ былъ призрѣвать сынъ. Это наслѣдство Димитрій Феодоровичъ принялъ съ любовью и исполнялъ по отношенію къ нему всѣ евангельскія обязательства. И получаемый имъ теперь денежный капиталъ въ видѣ скромнаго бакалаврскаго жалованья и пріобрѣтенный имъ духовный капиталъ въ видѣ знаній онъ долженъ былъ отдавать другимъ. Онъ сталъ теперь вмѣсто отца профессоромъ въ Академіи и благотворителемъ бѣдныхъ въ Посадѣ. Весьма вѣроятно, что, когда Димитрій Феодоровичъ вступилъ на кафедру, запасъ

его знаній не былъ обширнымъ, но едва ли когда кромѣ него входилъ на кафедру профессоръ въ столь юномъ возрастѣ съ столь твердо выработаннымъ непоколебимымъ міровоззрѣніемъ, съ такою твердою нравственною волею, съ такимъ яснымъ взглядомъ на путь, который предлежитъ человѣку на землѣ.

Мы сказали, что на немъ отпечатлѣлась эпоха первой половины XIX вѣка. Намъ могутъ возразить, что въ Академіи онъ учился уже въ началѣ второй половины столѣтія, и эта вторая половина и была эпохой его дѣятельности. Это вѣрно, но новая эпоха началась на Руси не съ 51-го года, а съ вступленіемъ на престолъ новаго императора. Суровость и строгость характеризовали время до Александра II. И замѣчательно, какъ покойный сѣумѣлъ усвоить лучшее изъ обоихъ эпохъ — онъ усвоилъ отъ первой строгость и требовательность къ себѣ и отъ второй — мягкость и снисходительность къ другимъ. Поэтому въ себѣ самомъ онъ представлялъ воспитанника суроваго режима. Онъ строго исполнялъ требованія академическаго устава, былъ всегда безусловно покоренъ и почитателенъ къ гражданской и церковной власти. Только разъ, какъ знаетъ это авторъ настоящей статьи, въ 1897 г. ему приснилось, что онъ самовольно разорвалъ одинъ указъ и то, проснувшись, онъ испугался. Насколько онъ былъ дисциплинированъ и насколько онъ дисциплинировалъ самого себя, можно только удивляться. Онъ любилъ стихи и не мало зналъ наизусть. Но онъ любилъ выбирать у поэтовъ гуманныя и благородныя мысли. Онъ любилъ Жуковскаго. Изъ Пушкина нерѣдко передъ другими читалъ „Анчаръ“. О Лермонтовѣ онъ говорилъ, что „Демона“ его не читалъ, но его „ангела“ зналъ наизусть и по поводу „Валерика“ говорилъ: вотъ, господа, и военный былъ и свѣтскій, а посмотрите, какія у него иногда встрѣчаются гуманныя мысли — онъ говорить въ Валерикѣ послѣ описанія кроваваго сраженія:

Я думалъ: жалкій человѣкъ!

Чего онъ хочетъ? Небо ясно.

Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,

Но непрестанно и напрасно одинъ воюетъ онъ.

Зачѣмъ?“

Беллетристическихъ произведеній онъ не читалъ, пародіи на стихотворенія, сатиры, насмѣшекъ, каррикатуръ онъ не признавалъ. Какъ онъ смотрѣлъ на подобныя занятія, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1847 г. застрѣлился (зарядивъ пистолеть пуговицею) студентъ Академіи Сергѣй Куняевъ. Онъ оставилъ послѣ себя такое стихотвореніе:

Не жилецъ уже я на бѣломъ свѣту,
 Не кормилецъ я отцу, матери,
 Не защита я сестрамъ, братьямъ моимъ.
 Отъ меня, мой другъ, не жди помощи.
 Истошила грусть, тоска лютая
 Молодую грудь, тѣло крѣпкое.
 Высохъ мозгъ у меня, сердце выныло.
 Кровь застыла во мнѣ, прерывается духъ.
 И глядитъ мнѣ въ глаза съ злой улыбкою смерть.
 А пожить по душѣ не успѣлъ еще я,
 И всего то мнѣ 22 года.

Обсуждая иногда судьбу этого несчастнаго студента, Димитрій Феодоровичъ говорилъ, что былъ у него повидимому нѣкоторый грѣхъ—духовная гордость. Куняевъ умѣлъ рисовать. Между его товарищами былъ одинъ имѣвшій собаку и любившій выпить. Куняевъ изобразилъ этого своего товарища на такомъ рисункѣ. Стоитъ кабакъ. Къ нему направляется студентъ. Собака опередившая своего хозяина и очевидно отлично знавшая намѣренія хозяина, лапами стучится въ дверь кабака. Эта товарищеская насмѣшка, которую при дружественныхъ отношеніяхъ между товарищами мы готовы признать невинною и безобидною, въ глазахъ Димитрія Феодоровича была недопустимою, онъ готовъ связать съ нею печальную судьбу Куняева, а объ изображенномъ въ каррикатурѣ товарищѣ говорилъ: Богъ судилъ ему быть потомъ священникомъ и онъ скончался не такъ давно въ санѣ протоіерея.

Какъ былъ строгъ покойный къ словамъ! Выше въ приложеніи къ нему мы употребили слово „міровоззрѣніе“. Онъ не употреблялъ этого слова. Оно, говорилъ онъ, введено въ употребленіе нѣмецкой идеалистической философіей (Weltanschauung) и заключаетъ въ себѣ пантеистическій смыслъ. Конечно, должно признать, что филологически онъ правъ. Подъ міровоззрѣніемъ мы разумѣмъ воззрѣніе на все, зна-

чить, и на Бога, значить и Богъ включается въ міръ. Теперь въ самомъ словѣ міровоззрѣніе не ищутъ указанія на его характеръ (нерѣдко употребляютъ выраженіе: теистическое міровоззрѣніе), но должно признать, что поэтому филологически оно далеко не соотвѣтствуетъ обозначаемому имъ понятію. Димитрій Θεодоровичъ писалъ не январь, а генварь, потому что слово январь напоминаетъ о языческомъ богѣ Янусѣ, онъ писалъ Георгій, а не Юрій, потому что имени Юрій нѣтъ въ христіанскихъ святцахъ. Онъ постоянно помнилъ слова Спасителя: „за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда“ (Мѡ. 12. 31). Слово можетъ и соблазнять и убивать, съ нимъ нужно обращаться въ высшей степени осторожно и употреблять его непременно ясно. По поводу выраженія: Архимандритъ Макарій написалъ любовное письмо къ Θεодору Александровичу Голубинскому, Димитрій Θεодоровичъ сказалъ, что любовное нужно замѣнить словами исполненное любви, иначе оно можетъ подать поводъ къ двусмысленнымъ толкованіямъ. Димитрій Θεодоровичъ безусловно не позволялъ употреблять церковныя и священныя выраженія о нецерковныхъ предметахъ. Въ этой его осторожности по отношенію къ слову сказалось и вліяніе митрополита Филарета, требовавшаго строгого обращенія съ словомъ, и его родителя много лѣтъ бывшаго цензоромъ въ эпоху самой суровой цензуры и нравственный характеръ его самого страшно смущавшагося мыслію, что онъ можетъ кого-либо соблазнить.

Какъ преподаватель, Димитрій Θεодоровичъ отличался ясностью изложенія. По отношенію къ физикѣ онъ руководился правиломъ своего предшественника Николая Александровича Сергіевскаго: никогда не производитъ въ аудиторіи опыта, который ранѣе не былъ произведенъ наединѣ въ кабинетѣ. Преподаваніе его по необходимости должно было быть очень элементарнымъ, такъ какъ слушатели не владѣли даже элементами математическаго познанія. Физико-математическое образованіе вообще въ духовныхъ академіяхъ непрерывно шло на убыль. Сначала было особое физико-математическое отдѣленіе, затѣмъ раздѣленіе на отдѣленія было уничтожено, преподаваніе физико-математическихъ наукъ сдѣлано обще обязательнымъ и было отмѣнено

преподаваніе дифференціального и интегрального исчисленій. А затѣмъ было отмѣнено и совсѣмъ преподаваніе физико-математическихъ наукъ. Можно пожалѣть, что не осталось курса Димитрія Феодоровича. Этотъ курсъ несомнѣнно долженъ былъ отличаться тою ясностью и строгостью, которыя характеризуютъ классическихъ математиковъ и которыя къ сожалѣнію до того отсутствуютъ у нѣкоторыхъ современныхъ, что публикуются даже ошибочныя теоремы. Димитрій Феодоровичъ любилъ ссылаться на точность Эвклида и указывалъ, что его теперь искажаютъ. Воззрѣній новой геометріи, нашедшей своего родоначальника въ Лобачевскомъ, онъ не раздѣлялъ, но и не отрицалъ рѣшительно. По теоріи Лобачевского сумма угловъ плоскаго треугольника менѣе двухъ прямыхъ. Это „менѣе“ можетъ быть обнаружено только на громадныхъ треугольникахъ, если, на прим., соединить воображаемыми прямыми три звѣзды и произвести измѣреніе угловъ этого треугольника. Лобачевскій и произвелъ такую провѣрку и нашелъ подтвержденіе своей теоріи. Димитрій Феодоровичъ указывалъ, что въ этомъ аргументѣ—который въ сущности у Лобачевского не имѣетъ значенія—есть нѣкоторый логическій кругъ, такъ какъ измѣреніе производилось Лобачевскимъ по принципамъ обычной геометріи и поэтому можетъ свидѣтельствовать только объ ошибкѣ того, кто измѣрялъ. Димитрій Феодоровичъ приводилъ и доказательство эвклидова постулата, на отрицаніи котораго утверждаются всѣ новыя геометрическія представленія. Вотъ—сущность принимавшагося имъ доказательства. Если двѣ прямыя (BC и EF) перпендикулярны къ третьей (CD), то тогда какой бы малый уголъ ни образовывала линія (CA) съ однимъ изъ перпендикуляровъ (BC), она непремѣнно при продолженіи пересѣчетъ и другой (EF). Опишемъ произвольнымъ радіусомъ изъ С точки пересѣченія линій BC и CA четверть окружности. Допустимъ, что уголъ ВСА образованный нашими прямыми содержится и разъ въ данномъ прямомъ углѣ (четверти окружности). Если разстояніе между перпендикулярами BC и EF равно нѣкоторой величинѣ CE, отложимъ и разъ это разстояніе на продолженіи линіи CE, представляющей собою одну изъ сторонъ нашего прямого угла и воздвигнемъ изъ точекъ отдѣляющихъ одно разстояніе и отъ другого соотвѣт-

ственные перпендикуляры. Эти перпендикуляры образуютъ п поясовъ заключенныхъ въ сторонахъ нашего прямого угла и ограничивающихъ протяженіе меньшее, чѣмъ этотъ прямой уголъ. Прямой уголъ равенъ углу $ВСА$ умноженному на n . Значитъ $ВСА \times n$ больше пояса $ВСЕГ \times n$; значитъ уголъ $ВСА >$ пояса $ВСЕГ$. Т. е. протяженіе заключенное между двумя пересѣкающимися линиями—какъ бы ни былъ малъ уголъ образованный ими—всегда больше протяженія заключающагося между двумя линиями перпендикулярными къ третьей, какъ бы ни было велико разстояніе между этими линиями. Отсюда получается выводъ, что линия пересѣкающая одинъ перпендикуляръ непременно должна перейти и за другой, чтобы захватить протяженіе находящееся внѣ данныхъ перпендикуляровъ. Всякій занимавшійся геометрию конечно видитъ слабость этого аргумента (сравниваются безконечныя протяженія, а къ безконечностямъ затруднительно прилагать категоріи „больше“ или „меньше“). Затѣмъ можно принять этотъ выводъ и всетаки отвергнуть постулатъ Эвклида вмѣстѣ и съ геометрией Лобачевского во имя геометріи Римана. За всѣмъ тѣмъ отказать совсѣмъ въ значеніи этому аргументу нельзя. Димитрій Теодоровичъ занимался постулатомъ Эвклида не во имя тѣхъ философскихъ соображеній и выводовъ, которые теперь связываются съ его признаніемъ или отрицаніемъ, а во имя стремленія къ строгому доказательству. Не вводитъ въ разсужденіе произвольныхъ или недостаточно обоснованныхъ положеній—вотъ, его требованіе. Относительно другой исторической проблемы геометріи о квадратурѣ круга Димитрій Теодоровичъ говорилъ, что квадратъ равновеликій кругу можетъ быть построенъ. Неизвѣстно, что онъ имѣлъ въ виду, говоря о возможности такого построенія. Весьма вѣроятно, что онъ разумѣлъ методъ Дионстрата и его знаменитую квадратрису.

Его преподаваніе физики было эмпирическимъ. Каждое положеніе онъ стремился доказать опытомъ, и если-бы изъ его учениковъ выходили преподаватели физики въ среднихъ заведеніяхъ, они бы отъ него научились многому для своей педагогической дѣятельности. Нѣкоторые изъ его опредѣленій врѣзывались въ память. Бытіе есть дѣйствованіе, говорилъ онъ, инерція есть самонедѣятельность мате-

ри, и онъ ясно и тщательно разъяснялъ эти два повидимому трудно согласимыя положенія. Его физическій кабинетъ былъ бѣденъ. Онъ тратилъ не него всю жизнь собственныя средства. Физическимъ теоріямъ съ метафизическимъ отдѣлкомъ онъ отводилъ мало мѣста. Вообще къ метафизикѣ онъ повидимому не имѣлъ склонности. Сынъ философа онъ не читалъ философовъ, онъ признавалъ прежде всего и глубже всего православную вѣру и затѣмъ положительную науку. Онъ изучалъ и призывалъ изучать природу въ духѣ вѣры. Его можно назвать православнымъ позитивистомъ.

Изъ бакалавра онъ превратился въ ординарнаго профессора. Но дни его кафедры были уже сочтены. Готовился новый уставъ. Имѣлось въ виду улучшить воспитательную часть, радикально измѣнить къ лучшему матеріальное положеніе духовныхъ школъ. Преобразование собственно учебной части нельзя сказать, чтобы отличалось яснымъ характеромъ. Въ высшей богословской школъ богословскія науки стали предметомъ лишь спеціального отдѣленія, самый курсъ обученія въ сущности сталъ ограничиваться тремя годами, четвертый курсъ былъ какимъ-то номинальнымъ и фиктивнымъ. Распредѣленіе предметовъ по отдѣленіямъ представляло собою что-то странное. Человѣкъ занимавшійся изученіемъ словесности и, положимъ, спеціально русской литературы обязанъ былъ изучать церковное право, пастырское богословіе и литургику, но онъ не могъ слушать курсовъ по русской исторіи, изучавшій патристику не могъ слушать церковной исторіи и наоборотъ. Такъ своеобразно были распредѣлены предметы по отдѣленіямъ. Очевидно, при составленіи устава совершенно отсутствовала идея, что успешное изученіе всякой науки необходимо обуславливается изученіемъ наукъ вспомогательныхъ, прикладныхъ. Димитрій Феодоровичъ обратилъ на это вниманіе по вопросу о физико-математическихъ наукахъ. Стало извѣстно, что предполагается закрытіе кафедръ по нимъ въ академіяхъ. Димитрій Феодоровичъ въ 1868 году подалъ академическому начальству мнѣніе о „необходимости преподаванія физико-математическихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ“. Эта необходимость, по его мнѣнію, обуславливалась потребностями апологетическими и потребностями правиль-

ной постановки этихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Вотъ, что онъ говорилъ относительно перваго и относительно втораго. 1) „Священное Писаніе научаеъ насъ, что разсматриваніе видимой природы должно вести къ Богопознанію, это ученіе раскрывается и отцами церкви. Къ Богопознанію должно вести какъ простое разсматриваніе природы, такъ, даже болѣе, научное изслѣдованіе ея. Много можно указать примѣровъ, какъ естествоиспытатели, особенно въ прежнее время, руководствовались этимъ взглядомъ на природу и раскрывали его. Къ сожалѣнію въ настоящее время этотъ свѣтлый и истинный взглядъ у многихъ естествоиспытателей болѣе и болѣе теряется. А потому особенно въ настоящее время при значительномъ расширеніи области естественныхъ наукъ, весьма нужно было бы позаботиться о возстановленіи истиннаго взгляда на природу. Такую услугу истинному просвѣщенію должны оказать духовныя академіи. Въ самомъ дѣлѣ для этого нужны дѣятели, получившіе какъ богословское, такъ и физико-математическое образованіе, а такихъ дѣятелей могутъ готовить духовныя академіи, если въ нихъ будутъ преподаваться физико-математическія науки. 2) Потребность въ такихъ дѣятеляхъ особенно ощутительна въ настоящее время, потому что многими современными естествоиспытателями не только опускается изъ вида истинный взглядъ на природу, но и распространяются ложныя мнѣнія. Таковы: пантеистическія мнѣнія о саморазвитіи вселенной..... разныя ложныя мнѣнія о происхожденіи міра..... стараніе объяснить чудеса естественнымъ образомъ..... 3) Въ частности со стороны геологовъ много представляется возраженій противъ священнаго бытописанія о твореніи міра..... Нужно позаботиться, чтобы были люди готовые потрудиться на поприщѣ рѣшенія такихъ возраженій. Если при духовныхъ академіяхъ будетъ продолжаться преподаваніе физико-математическихъ наукъ, то можно надѣяться, что явятся такіе дѣятели..... Если въ академіи человѣкъ отчетливо ознакомится хоть съ нѣкоторыми изъ естественныхъ наукъ, то чрезъ это открывается ему возможность самому итти далѣе по проложенному пути..... Если же при этомъ богословскимъ образованіемъ дается доброе направленіе его трудамъ, то естественно открываются и побужденія и удобства потрудиться съ пользою надъ вопро-

сами, относящимися къ творенію міра.... 4) Физико-математическія науки имѣють тѣсную связь съ богословскими и другими науками. Можно указать много мѣстъ изъ Священнаго Писанія, при объясненіи которыхъ нужно принимать во вниманіе физическія свѣдѣнія, много бываетъ случаевъ, когда изслѣдованія богословскихъ и другихъ наукъ соприкасаются съ вопросами изъ астрономіи, пасхалии... А потому, если прекратится въ духовныхъ академіяхъ преподаваніе физико-математическихъ наукъ, то много можетъ встрѣтиться затрудненій"... Знаніе богословія для преподавателей физико-математическихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ, по мнѣнію Димитрія Феодоровича, нужно для предохраненія ихъ отъ увлеченія ложными мнѣніями и знаніе физико-математическихъ наукъ хотя бы однимъ членомъ правленія нужно для того, чтобы препятствовать распространенію ложныхъ мнѣній преподавателемъ физики, если бы такой печальный случай имѣлъ мѣсто.

Трудно не видѣть всей основательности разсужденій Димитрія Феодоровича. Опытъ тридцати пяти послѣдующихъ лѣтъ даетъ только основанія ихъ дополнить, но не опровергать. Апологетика упала на Руси, и нигдѣ на западѣ такъ не преобладаетъ антирелигіозное направленіе въ естествознаніи, какъ у насъ. Апологетическіе трактаты, написанные по старымъ и случайнымъ пособіямъ, нерѣдко безъ достаточнаго пониманія даже и этихъ пособій и съ искаженіемъ ихъ, служатъ прямо противъ той цѣли, которую преслѣдуютъ. Философія падаетъ и должна падать въ духовныхъ школахъ. Изученіе философіи въ настоящее время немислимо безъ знанія основъ естествовѣдѣнія и физико-математическихъ наукъ. Получившій академическое образованіе философъ, если самостоятельно—что очень нелегко—не изучитъ, ихъ, лишенъ возможности читать нѣкоторыя важныя философскія сочиненія, хотя они напечатаны и по русски. Наконецъ случилось и нѣчто неожиданное: на скудное семинарское жалованье оказалось невозможнымъ находить преподавателей по математикѣ и физикѣ съ университетскимъ образованіемъ. Вакансіи пришлось замѣщать академиками, и вотъ кандидаты богословія, занимавшіеся ветхимъ завѣтомъ или поморскимъ расколомъ, неожиданно для самихъ себя стали превращаться въ Лапласовъ и Лагранжей.

Мнѣніе Димитрія Феодоровича осталось только мнѣніемъ. Тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Толстой хотѣлъ видѣть въ академіяхъ лишь богословскіе факультеты. Онъ принужденъ былъ нѣсколько поступиться своими взглядами, но онъ совершенно напрасно думалъ, что проектируемыя имъ академіи подобны богословскимъ факультетамъ запада. Въ западныхъ университетахъ на богословскихъ факультетахъ дѣйствительно преподаются только богословскіе предметы, не преподается философіи, исторіи, даже церковное право читается не на богословскомъ, а на юридическомъ факультетѣ. Но факультетъ есть часть университета и неразрывенъ съ нимъ. Нѣмецкому студенту богослову въ выдаваемыхъ ему правилахъ прямо рекомендуется записываться на философскіе курсы на философскій факультетъ. Китайскія стѣны тамъ не раздѣляютъ факультеты. Студентъ занимающійся ветхимъ завѣтомъ можетъ слушать на философскомъ факультетѣ нужныя ему ассирологію и египтологію, занимающійся церковной исторіей можетъ слушать церковное право съ юристами и государственную исторію съ философами. Въ Россіи Духовная Академія есть самодовлѣющее цѣлое, поэтому студентъ долженъ въ ней имѣть возможность знакомиться не только съ богословскими науками, но и съ тѣми, которыя служатъ богословскимъ наукамъ вспомогательнымъ и прикладнымъ образомъ. Въ частности, если въ нашихъ академіяхъ надлежащимъ образомъ не будетъ поставлена философія, то тогда она не можетъ быть правильно поставлена и въ семинаріяхъ, такъ какъ учителей и за хорошія деньги негдѣ будетъ найти: университетскіе воспитанники—за рѣдкими исключеніями—плохіе философы, а съ педагогикою, связанною въ семинаріяхъ съ философіей, незнакомы совсѣмъ.

Физика и математика были исключены изъ круга предметовъ преподаваемыхъ въ академіи, но къ счастью въ уставъ былъ введенъ параграфъ дававшій возможность дополнять этотъ кругъ новыми предметами. „Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, по усмотрѣнію нужды, могутъ быть вводимы и новыя предметы сверхъ поименованныхъ, а также вообще дѣлаемы измѣненія въ учебной части академіи (по уставу 1869 г. § 115, въ новомъ уставѣ 1884 г. § 104). Этотъ параграфъ подаль надежду Димитрію Феодоровичу, что не все

еще пропало. Новый уставъ былъ утвержденъ 30 мая 1869 г., но введеніе его въ Московской Академіи была отложено до осени 1870 г. Дмитрію Феодоровичу предлагали занять новую кафедру. Онъ отказался. Посовѣтывали съѣздить ему въ Петербургъ и тамъ съ тогдашнимъ московскимъ митрополитомъ Иннокентіемъ переговорить объ открытіи въ Академіи кафедры по естественнымъ наукамъ подъ именемъ естественно-научной апологетики. Дмитрій Феодоровичъ совершилъ эту поѣздку. Владыка митрополитъ отнесся сочувственно къ просьбѣ Дмитрія Феодоровича. Для проектированной кафедры онъ былъ назначенъ преподавателемъ. Раньше профессорамъ академіи въ виду скудости ихъ содержанія давалось пособіе изъ средствъ московской кафедры, съ введеніемъ новыхъ окладовъ пособіе это прекратилось, но часть его въ размѣрѣ двухъ тысячъ была назначена на содержаніе преподавателя по кафедрѣ естественно-научной апологетикѣ. Учрежденіе кафедры, какъ сверхштатной, было утверждено Святѣйшимъ Синодомъ. Но вверху повидимому не сочувственно относились къ этой кафедрѣ. Лично Дмитрію Феодоровичу сомнѣніе въ полезности такой кафедры высказалъ Ив. А. Чистовичъ. 31 октября 1880 года. Дмитрій Феодоровичъ началъ чтеніе лекцій по естественно-научной апологетикѣ и съ тѣхъ поръ онъ читалъ ихъ непрерывно до самой смерти. Послѣдняя лекція прочитана была имъ 17 сентября 1903 года.

Дмитрій Феодоровичъ сталъ преподавателемъ сверхштатнымъ. Бывшій ординарный профессоръ по своему юридическому положенію въ Академіи сталъ ниже приватъ-доцентовъ и и. д. доцента. Права голоса при рѣшеніи академическихъ дѣлъ онъ былъ лишенъ: онъ не былъ ни членомъ совѣта, ни членомъ правленія. Предметъ его былъ необязательнымъ, письменныхъ работъ студенты ему не представляли. Правда, ему никто не давалъ чувствовать нѣкоторой двухсмысленности его положенія, къ нему относились всѣ сообразно съ его старшинствомъ и высокими достоинствами, но несомнѣнно онъ самъ чувствовалъ ненормальность своего положенія. Онъ высказывалъ желаніе, чтобы его кафедра—хотя бы послѣ него—была превращена въ штатную. Повидимому одно время возможность этого предносилась. Ревизировавшій академію въ 1875 г. архіепископъ литов-

скій Макарій (впослѣдствіи митрополитъ московскій), побывавъ на лекціяхъ Димитрія Ѳеодоровича, говорилъ тогдашнему ректору Академіи Александру Васильевичу Горскому „о своемъ намѣреніи рекомендовать учрежденіе класса естественно научной апологетики и въ другихъ академіяхъ“. Тогда, конечно, эта каеэдра стала бы штатною. Но ничего этого не случилось.

Димитрій Ѳеодоровичъ хлопоталъ собственно объ открытіи каеэдры по физико-математическимъ или естественнымъ наукамъ, а была открыта каеэдра по естественно-научной апологетикѣ. Удареніе лежитъ на послѣднемъ словѣ. Но дѣло въ томъ, что для такой апологетики нужны естественно-научныя познанія, слѣдовательно, ихъ прежде всего и должно сообщать. Димитрій Ѳеодоровичъ такъ и поступалъ: онъ преподавалъ физику съ краткими свѣдѣніями изъ химіи и начала астрономіи—приблизительно гимназическій курсъ физики и космографіи безъ математическаго отдѣла. Курсъ преподавался такъ, что представлялъ собою распространенное физико-телеологическое доказательство бытія Божія, опирающееся не только на частныя явленія цѣлесообразности, но и на всю систему физико-химическихъ законовъ и на разсмотрѣніе устройства планетнаго и звѣзднаго міра. Митрополитъ Иннокентій и сказалъ Димитрію Ѳеодоровичу, что преподаваніе физико-математическихъ наукъ въ апологетическомъ духѣ есть его прямая обязанность. И онъ свято исполнялъ ее. Онъ любилъ ставить въ соотношеніе физическіе факты съ текстами Священнаго Писанія, и въ этихъ случаяхъ его серьезность и благоговѣніе, съ которыми онъ читалъ тексты, сами по себѣ производили глубоко назидательное впечатлѣніе на слушателей.

При выпискѣ и указаніи руководствъ по своему предмету онъ естественно долженъ былъ испытывать затрудненія. Въ современныхъ учебникахъ по физикѣ и химіи постоянно встрѣчаются тезисы о вѣчности матеріи и еще болѣе радикальные (о самосохраненіи и вѣчности міра, міровой эволюціи и т. п.). Если нужда заставляла обращаться къ подобнымъ руководствомъ, онъ оговаривалъ и опровергалъ всѣ мысли ихъ представлявшіяся ему антирелигіозными, какъ нечестивыя. Приходилось ему при этомъ сталкиваться съ прямою недобросовѣстностью и за обличеніе ея претерпѣ-

вать брань. Такъ въ Вяткѣ была переведена на русскій языкъ книга Секки „Единство физическихъ силъ“ (въ изданіи Павленкова). Въ итальянскомъ подлинникѣ и во французскомъ переводѣ, съ котораго, кажется, былъ сдѣланъ русскій переводъ, книга была проникнута апологетическимъ христіанскимъ духомъ. Русскій издатель постарался вытравить этотъ духъ и замѣнить его духомъ антирелигіознымъ. Димитрій Ѣодоровичъ въ печати обличилъ тенденціи русскаго переводчика, и за это издательская фирма усвоила ему потомъ имя члена общества братьевъ Исуса, т. е. назвала іезуитомъ, усвоивъ этому слову антиморальное значеніе. Человѣку возстановлявшему правду бросили въ лицо обвиненіе въ фальши и лицемѣріи, и несомнѣнно, что многіе читатели павленковскаго изданія повѣрили этому фарисейскому обвиненію.

Вопросъ объ отношеніи тѣхъ или иныхъ естественнонаучныхъ теорій къ христіанскому міровоззрѣнію можетъ быть рѣшаемъ очень различно по той причинѣ, что мы не располагаемъ данными для безспорнаго рѣшенія. Димитрій Ѣодоровичъ по апологетическимъ вопросамъ слѣдовалъ тѣмъ рѣшеніемъ, которыя установились у русскихъ апологетовъ до него, а по тѣмъ вопросамъ, по которымъ высказывался его родитель, онъ безусловно слѣдовалъ взглядамъ послѣдняго. Происхожденіе организмовъ онъ приписывалъ непосредственному творческому акту. Теорію произвольнаго зарожденія въ ея традиціонной формѣ онъ безусловно отрицалъ, новыя воззрѣнія эволюціонныя, какъ и всю теорію эволюціи, онъ игнорировалъ. Однажды ему высказали, что то или другое рѣшеніе вопроса о происхожденіи организмовъ можетъ быть согласовано съ христіанскими воззрѣніями, что св. Василій Великій (въ его шестодневѣ) прямо и рѣшительно признаетъ произвольное зарожденіе, и что выраженія Библии „да произведетъ земля душу живую“, „да произраститъ земля зелень“ и др. могутъ быть истолкованы въ смыслѣ благопріятномъ для теоріи произвольнаго зарожденія. Димитрій Ѣодоровичъ отвѣтилъ уклончиво. По вопросу о шестидневномъ твореніи онъ склонялся къ буквальному пониманію Библейскаго повѣствованія. Геологіей онъ не занимался и повидимому въ нее не вѣрилъ; впрочемъ, нужно замѣтить, что онъ далеко не обо всемъ выска-

звался до конца. Повидимому онъ представлялъ, что физическій міръ до паденія человѣка былъ совершенно инымъ, чѣмъ теперь, что нравственная катастрофа на землѣ повлекла за собою и физическую. Онъ нерѣдко говорилъ, что пытаются въ доказательство глубокой древности міра дѣлать ссылки на астрономію, говорятъ о звѣздахъ, свѣтъ отъ которыхъ будто бы дошелъ до земли въ теченіе десятковъ тысячелѣтій, но что эти ссылки совершенно неосновательны. Доселѣ дѣйствительно измѣрено разстояніе такихъ только звѣздъ, свѣтъ отъ которыхъ доходитъ до земли менѣе, чѣмъ во столѣтъ, а предположенія о громадныхъ разстояніяхъ другихъ звѣздъ произвольны. Главное, на что онъ хотѣлъ направлять вниманіе слушателей, это цѣлесообразное устройство земли, положеніе земли во вселенной, въ солнечной системѣ, ея наклонъ къ эклиптикѣ, время ея обращенія вокругъ оси и солнца, распредѣленіе поясовъ температуры, морей, пустынь, горъ и долинъ, движеніе вѣтровъ, особенности въ явленіяхъ при замерзаніи воды, все, по его воззрѣніямъ, указывало на Высочайшій Разумъ устроившій этотъ міръ. Онъ не любилъ спорить съ противниками телеологіи, но когда его вызывали высказаться о комъ-нибудь изъ нихъ, онъ высказывался по обыкновенію сдержанно, но рѣшительно противъ. Когда ему было указано, что Лапласъ, часто обвиняемый въ атеизмъ, въ своей „системѣ міра“ вовсе не отрицаетъ бытія Божія, онъ сказалъ: о лунѣ онъ тамъ говоритъ не хорошо (Лапласъ считалъ напраснымъ усматривать цѣлесообразность въ томъ, что луна у насъ зимою свѣтитъ долѣе, чѣмъ лѣтомъ). Димитрій Θεодоровичъ повидимому за многое уважалъ Тиндаля (за ясность изложенія, искусство въ устройствѣ опытовъ, отрицаніе самозарожденія, добросовѣстное сознаніе въ несовершенствѣ научныхъ теорій), но его глубоко смущалъ походъ Тиндаля противъ конечныхъ причинъ. Онъ даже написалъ къ Тиндалю по этому вопросу письмо на французскомъ языкѣ, но не получилъ никакого отвѣта. Любилъ Димитрій Θεодоровичъ говорить о благомыслящихъ натуралистахъ, но не все онъ здѣсь договаривалъ. Когда ему былъ предложенъ вопросъ: „а знаете ли Вы, что Ньютонъ отрицалъ Троичность и былъ антиринитаріемъ“, онъ отвѣтилъ: „да, существуетъ на него это нареканіе“ и не сталъ говорить ничего болѣе. Онъ глу-

боко цѣнилъ и великія заслуги и благочестіе Ньютона и ему не хотѣлось произносить суда надъ его религіозными заблужденіями, ему не хотѣлось, чтобы даже знали о нихъ.

То, что онъ о многомъ молчалъ и не говорилъ, многимъ внушало мысль, что это многое ему неизвѣстно. Часто въ этомъ ошибались. То, о чемъ онъ молчалъ, иногда глубоко занимало и смущало его. Такъ разъ черезъ 15 лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ одной диссертациі онъ неожиданно спросилъ собесѣдника: правиленъ ли тезисъ автора этой диссертациі, что св. Василій Великій заимствовалъ свою книгу о святомъ Духѣ изъ эннеады Плотина. Ясно, что онъ былъ убѣжденъ, что у автора, нужно замѣтить, строго православнаго по своимъ воззрѣніямъ, въ этомъ пунктѣ была какая то путаница. Смущали его новые взгляды и теоріи. Не всегда онъ довольствовался и существовавшими объясненіями св. Писанія или какихъ-либо фактовъ. Такъ, видно, его смущалъ текстъ: „приложи имъ зла, Господи, приложи зла сильнымъ земли“, онъ ни минуты не сомнѣвался, что этотъ текстъ, какъ и все Писаніе, богодухновененъ, но предлагавшіяся пониманія его, видно, представлялись ему неудовлетворительными.

Будучи строго православнымъ, онъ хорошо и съ любовью относился къ лицамъ иныхъ исповѣданій. На юбилей профессора Василія Александровича Соколова онъ говорилъ: наши предки были очень благочестивыми, но они относились слишкомъ сурово къ лицамъ иныхъ исповѣданій, Вы въ Вашей книгѣ „Іерархія англиканской епископальной церкви“ показали, что и у западныхъ христіанъ можно и должно находить доброе. На его взглядахъ на разныя исповѣданія несомнѣнно сказалось вліяніе лицъ бывшихъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ его отцомъ. Такъ, Димитрій Феодоровичъ всегда защищалъ масоновъ. Было бы отсюда конечно весьма неосновательно заключать, что онъ раздѣлялъ ихъ воззрѣнія. Его глубоко оскорбила категорически брошенная фраза въ Православномъ Обзорѣніи одного профессора академіи, что его отецъ—Теодоръ Александровичъ былъ масономъ. Онъ выразился объ авторѣ, что у него была склонность такъ сказать иногда что-нибудь безъ всякихъ основаній. Но поучительно замѣтить, что по поводу одной тяжелой непріятности постигшей этого профессора Дими-

трий Θεодоровичъ всегда замѣчалъ, что свѣдѣнія сообщенныя въ печати объ этомъ дѣлѣ противниками профессора не точны и былъ на его сторонѣ. Къ рационалистамъ, понятно, онъ не могъ относиться дружественно, но онъ относился къ нимъ правдиво. Такъ, онъ указывалъ, что графъ Мих. Влад. Толстой о своемъ отцѣ рационалистѣ давалъ невѣрные свѣдѣнія (въ Русскомъ архивѣ—Хранилище моей памяти) и не смотря на то, что всѣ рѣчи Толстого клонились къ возвышенію Голубинскаго отца, Голубинскій сынъ говорилъ, что ихъ не должно принимать во вниманіе, такъ какъ они не совсѣмъ правдивы и точны. Среди близкихъ знакомыхъ отца Димитрія Θεодоровича были лютеране. Димитрій Θεодоровичъ съ любовью вспоминалъ о нихъ. Такъ онъ говорилъ о какомъ-то докторѣ лютеранинѣ, который обѣдывалъ у нихъ, благоговѣнно выслушивалъ предобѣденную молитву и говорилъ, что онъ признаетъ, что въ евхаристіи подается истинное тѣло и истинная кровь Господа. Можно ли молиться за усопшихъ иновѣрцевъ? Димитрій Θεодоровичъ рѣшалъ этотъ вопросъ для себя въ положительномъ смыслѣ, но онъ тщательно искалъ возможно твердыхъ опоръ для такого рѣшенія“. Читали ли Вы, спросилъ онъ автора настоящихъ строкъ, статью Душеполезнаго Чтенія о молитвѣ за усопшихъ инославныхъ? Говорятъ, что можно молиться. Дѣйствительно, станешь молиться, какъ не помянуть добрыхъ знакомыхъ, скончавшихся въ лютеранствѣ?“ Лютеранское вліяніе не могло сказаться на его строгомъ православіи, но оно, кажется, нѣсколько сказалося на его представленіяхъ о католицизмѣ. Не сочувствуя григоріанскому календарю, Димитрій Θεодоровичъ писалъ одному высокопоставленному лицу: память Григорія XIII омрачена въ исторіи: когда онъ получилъ извѣстіе о вареоломеевской ночи, онъ отслужилъ благодарственный молебенъ. Димитрію Θεодоровичу было указано, что по лютеранской версіи Григорій служилъ молебенъ по случаю избіенія протестантовъ (гугенотовъ), но что по католической версіи онъ получилъ извѣстіе о спасеніи Карла IX, которому будто бы угрожали убійцы—гугеноты, и поэтому отслужилъ благодарственный молебенъ. Какъ дѣло было на самомъ дѣлѣ, теперь возстановить трудно, но Димитрій Θεодоровичъ въ данномъ случаѣ вопреки своимъ принципамъ склонился къ осужденію Григорія.

Однако съ истинною, нелицеприятною строгостью онъ относился только къ самому себѣ. Онъ хотѣлъ быть строго послушнымъ сыномъ православной церкви. Для этого нужно исполнять церковный уставъ. Димитрій Теодоровичъ стремился къ этому, но находилъ, что осуществить уставъ онъ не въ силахъ. Такъ, великимъ постомъ по цѣлымъ суткамъ предписывается неядѣніе. „Но какъ тутъ выполнишь это предписаніе? говорилъ Димитрій Теодоровичъ, въ понедѣльникъ прочитаешь лекціи, займешься въ физическомъ кабинетѣ, вычистишь, приготовишь приборы, ну, вечеромъ и наѣшься хлѣба съ квасомъ?“ Онъ спрашивалъ у канониста— нельзя ли найдти какихъ либо правилъ объ облегченіи устава. Онъ говорилъ, что слѣдовало бы поднять въ Святѣйшемъ Синодѣ вопросъ о составленіи болѣе удобоисполнимаго устава, такъ какъ уставъ теперешній вслѣдствіе его крайней строгости оказывается мертвою буквою. Онъ желалъ очень незначительныхъ послабленій, но такъ какъ границы не только намѣчаемыхъ имъ, но и вообще возможныхъ послабленій давно перейдены практикою, то его попытки возбудить интересъ къ вопросу оставались тщетными. Можно догадываться, что онъ находилъ строгимъ и законъ запрещающій хоронить самоубійцъ, который вслѣдствіе своей строгости тоже почти никогда не исполняется. Самоубійцъ покушавшихся на самоубійство онъ называлъ несчастными. Онъ рассказывалъ о случаѣ, какъ митрополитъ Филаретъ запретилъ хоронить опившагося служителя вѣанской семинаріи, и онъ находилъ опредѣленіе митрополита жестокимъ. „Служитель, говорилъ онъ, пилъ не для того, чтобы умереть, но для удовольствія и только перехватилъ“. Со страданіе слышалось въ его голосѣ, когда онъ говорилъ и о дѣйствительныхъ самоубійцахъ. Вѣдь, они—не худшіе изъ людей, почему имъ не умѣвшимъ справиться съ своею жизнію отказываютъ въ томъ, въ чемъ не отказываютъ людямъ самовольно распоряжающимся жизнію и благополучіемъ другихъ? Но желая нѣкоторыхъ церковныхъ реформъ, нѣкоторыхъ измѣненій устава, Димитрій Теодоровичъ считалъ, что, пока существуетъ уставъ, должно всѣми силами стремиться къ возможному его исполненію.

Какъ онъ стремился исполнять церковный уставъ, такъ добросовѣстно хотѣлъ онъ исполнять и всѣ свои обязан-

ности. Онъ былъ аккуратенъ и точенъ. Это тѣмъ болѣе для него было трудно, что онъ былъ медлителенъ. Затѣмъ здоровье его уже давно было плохимъ, но онъ не уклонялся отъ дѣлъ. Его жизнь представляла собою строгое осуществленіе нравственнаго порядка. Московская Академія въ своемъ прошломъ знаетъ высокнхъ нравственныхъ личностей, онъ былъ ихъ отраженіемъ. Самое главное и лучшее то, что въ немъ отразились ихъ высокія нравственныя качества. Но и по внѣшности онъ напоминалъ о нихъ. Его одежда, его табакерки, все напоминало о 30 — 40 годахъ XIX столѣтія. Достаточно посмотрѣть портреты профессоровъ этой эпохи, чтобы имѣть понятіе о той модѣ, которой неизмѣнно слѣдовалъ во всю свою жизнь покойный Голубинскій. Его картузь, это—тотъ самый, въ которомъ изображаютъ обстоятельныхъ людей тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, его сюртукъ, особенный галстухъ, манишка, брюки, шинель, все говорило о давно-прошедшемъ добромъ старомъ времени. Ученыхъ прошлаго характеризовала скромность жизни, ограниченность потребностей. Квасъ, хлѣбъ, картошка, лукъ, каша, постное масло въ мѣру, когда разрѣшаетъ уставъ, вотъ обычная пища Димитрія Θεодоровича во время постовъ, въ мясоѣдъ—горячее съ кускомъ мяса. Въ нынѣшнее время рабочіе и прислуга питаются лучше. На развлеченія онъ не тратился, самъ онъ охотно доставлялъ бесплатныя развлеченія: читалъ для дѣтей или взрослыхъ лекціи по физикѣ съ опытами, показывалъ картины съ волшебнымъ фонаремъ. Доставлялъ онъ себѣ иногда одно развлеченіе—прокатиться верхомъ, но и то въ послѣдніе годы онъ позволялъ себѣ это удовольствіе рѣдко и порою сомнѣвался и спрашивалъ — хорошо ли онъ это дѣлаетъ, такъ какъ это отвлекаетъ отъ дѣла? Даже въ этихъ его верховыхъ экскурсіяхъ отражался его выдержанный, спокойный и осторожный характеръ. Ѣздилъ онъ тихо, пожалуй, тише, чѣмъ ходятъ пѣшеходы, держался спокойно.

Жилъ онъ одиноко. Его домашняя жизнь слагалась изъ молитвъ, чтенія книгъ, приготовленія къ лекціямъ и опытамъ, переписки съ знакомыми и научно-литературныхъ занятій. Писаніе писемъ для него было такимъ же важнымъ и серьезнымъ дѣломъ, какъ и составленіе статей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ осторожнѣе своего родителя, который

порою допускалъ опасную искренность въ признаніяхъ о себѣ. Не соблазнить, не обидѣть, дать точныя свѣдѣнія и указанія, дать дѣльный совѣтъ или дѣйствительную помощь— вотъ, задача многихъ изъ его писемъ. Получаемыя имъ письма онъ тщательно регистрировалъ. Но письма ему не всегда приходилось получать пріятныя. Порою къ нему приходили письма съ упреками и выраженіемъ недовольства, порою прямо грубыя. Замѣчательно въ этомъ отношеніи было его стремленіе не выводить темное на свѣтъ. Онъ отвѣчалъ деликатно на подобныя письма и когда въ концѣ концовъ дѣло улаживалось и выражавшій недовольство успокаивался, онъ обыкновенно возвращалъ непріятныя письма автору, отъ него просилъ назадъ свои, уничтожалъ ихъ и такимъ образомъ старался предать дѣло забвенію. Такъ, немного лѣтъ назадъ онъ поступилъ съ однимъ профессоромъ, у котораго рецензировалъ докторскую диссертацию. Къ оскорбленіямъ онъ относился спокойно. Года четыре—три назадъ онъ обратился съ просьбою къ одному московскому священнику, который въ бытность студентомъ Академіи получилъ 40 рублей отъ братства для вспоможенія студентамъ, возратить эту сумму. Священникъ, говорятъ и это подтверждается его письмомъ, имѣетъ доходу не менѣе 4 тысячъ. Священникъ выразилъ негодованіе и изумленіе предъ просьбою Димитрія Теодоровича: развѣ братство при академіи—ссудная касса? Онъ—священникъ—былъ нездоровъ, былъ принужденъ пригласить къ себѣ московскихъ знаменитостей, Остроумова, а съ него хотятъ получить какіе-то сорокъ рублей. Нужно замѣтить, что съ него денегъ Димитрій Теодоровичъ не требовалъ, а деликатнѣйшимъ образомъ просилъ—не можетъ ли онъ, бывшій нѣкогда бѣднякомъ и получившій помощь, оказать теперь подобную же помощь другимъ бѣднякамъ. Но этотъ своеобразный пастырь, забывшій о бѣдныхъ, за эту просьбу разразился порицаніями по адресу своего стараго и заслуженнаго учителя. Всѣ читавшіе были возмущены этимъ письмомъ. Димитрій Теодоровичъ оставался спокойнымъ. Ему предложили напечатать это письмо. Оно было очень характерно и безъ комментаріевъ. Разумѣется, Димитрій Теодоровичъ его не напечаталъ. Интересно, какъ онъ съ нимъ поступилъ?

Трудясь въ тихой атмосферѣ своей одинокой квартиры, Димитрій Θεодоровичъ *отъ времени до времени выпускалъ* въ печать работы, которыя всегда представляли много интереса и назиданія. Онъ печаталъ немного и писалъ медленно, но за то основательно. Печать продуманности и убѣжденія лежитъ на его статьяхъ. Вотъ—перечень его работъ: „Разборъ и опроверженіе ложнаго мнѣнія о кивотѣ завѣта“ (прибавл. къ творен. св. отцовъ. Ч. XXI); „Христіанское размышленіе объ устройствѣ земли. Видъ земли, ея поверхность и внутренность. Море. Горы. Подземный огонь. Воздухъ“ (Душепол. Чтен. 1863 г., ч. I—III); „Воспоминанія о математическихъ занятіяхъ профессора московской духовной академіи Петра Спиридоновича Делицына“ (прибавл. къ творен. св. отцовъ. Ч. XXII); „о кругообращеніи атмосферы“ (сборникъ изданный въ 1866 г. по случаю пятидесятилѣтія московск. духовн. академіи); „о времени празднованія пасхи въ православной церкви и у западныхъ христіанъ“ (Душеполезн. Чтен. 1865 г., ч. I); „осенняя пора“ (тамъ же, 1866 г., ч. III); „замерзаніе воды“ (тамъ же, 1868 г., ч. III); „о различіи климатовъ“ (тамъ же, 1869 г., ч. III); „о воздушной влагѣ“ (тамъ же, 1870 г., ч. III); „облака“ (тамъ же, 1871 г., ч. III); „дождь и снѣгъ“ (тамъ же, 1872 г., ч. III); „о замерзаніи воды въ связи съ ученіемъ о конечныхъ причинахъ“ (противъ Тиндала, тамъ же, 1875 г., ч. I); „книга Секки: единство физическихъ силъ и тенденціи вятскаго изданія ея на русскомъ языкѣ“ (Православное Обзорѣніе, 1875 г. т. I и II); „о кругообращеніи крови“ (Душеполезн. Чтен. 1876 г. ч. III); „о соотношеніи устройства земнаго шара съ условіями жизни“ (въ годичномъ актѣ московской духовн. академіи за 1878 г.); „органы слуха и голоса“ (Душеполезн. Чтен. 1884 г. ч. I); „христіанскія размышленія о суточныхъ и годовыхъ перемѣнахъ на земномъ шарѣ“ (тамъ же, 1885 г. ч. III); „о затмѣніяхъ солнца и луны“ (тамъ же, 1887 г. ч. II); „о различіи климатовъ“ (Воскресный день за 1887 г.); „премудрое устройство орудій дыханія“ (Душеполезн. Чтен. 1890 г.); „о времени празднованія пасхи у христіанъ востока и запада“ (Богословскій Вѣстникъ, 1892 г. ч. II); „чѣмъ держится земля въ пространствѣ“ (Душеполезное Чтеніе, 1894 г. ч. III); „изъ исторіи естественно-научной апологетики въ Россіи“ (первоначально въ формѣ рѣчи по-

священной памяти А. В. Горскаго въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1900 г. № 11, затѣмъ въ Вѣр. и Церкв. 1901 г., кн. 3), „Макарій, основатель Алтайской миссіи по бумагамъ Феодора Александровича Голубинскаго (въ Душеполезномъ Читеніи съ 1890 г. и осталась неконченою), „рѣчь на актѣ виванской духовной семинаріи“ (сборникъ изданный по случаю столѣтія виванской духовной семинаріи, стр. 87—92); „изъ моихъ воспоминаній“ (Душеполезн. Чтен., конецъ 1901 и начало 1902 г.г.); „объ изученіи видимой природы въ духѣ св. вѣры“ (Вѣра и Церковь, 1901 г., кн. 6).

Послѣдніе годы своей жизни Димитрій Феодоровичъ посвятилъ занятіямъ надъ календаремъ. Въ 1899 г. онъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ рядъ статей подъ заглавіемъ: „Вопросъ объ уравниеніи года гражданскаго съ астрономическимъ“ и затѣмъ выпустилъ отдѣльной книжкой. Послѣ смерти профессора Болотова Димитрій Феодоровичъ былъ избранъ отъ Св. Синода въ члены комиссіи, образованной при академіи наукъ по вопросу о календарѣ. Его много занималъ и вопросъ и повѣзка въ академію. Его точка зрѣнія на календарь опредѣлялась его взглядомъ на петровскую реформу въ области лѣтосчисленія. Онъ ее не одобрялъ. Рядомъ съ годомъ церковнымъ явился годъ гражданскій. Зачѣмъ эта двойная система? Укладъ древнерусской жизни былъ церковный, и реформа, по представленію Димитрія Феодоровича, колебала этотъ укладъ. Затѣмъ, 1-ое января по юліанскому календарю отстоитъ далеко и отъ зимняго солнцестоянія и отъ весенняго равноденствія и поэтому является совершенно произвольнымъ пунктомъ для начала лѣтосчисленія. Напротивъ, 1-ое сентября стоитъ близко къ осеннему равноденствію и будетъ еще болѣе приближаться къ нему, какъ наоборотъ 1-ое января будетъ все далѣе отходить отъ зимняго солнцестоянія и будетъ все двигаться къ пункту наиболѣе отдаленному отъ всѣхъ важныхъ астрономическихъ точекъ. Димитрій Феодоровичъ рѣшительно предпочиталъ юліанскій календарь григоріанскому и утверждалъ, что при введеніи послѣдняго нельзя будетъ выполнять всѣ издревле освященныя церковныя правила. Любовь Димитрія Феодоровича къ установившемуся и выработавшемуся у насъ порядку дѣлала его здѣсь одностороннимъ. Онъ указывалъ, что при введеніи григоріанскаго

календаря христіанская пасха можетъ иногда совпадать съ еврейскою, что запрещается древними правилами. Но самъ онъ сознавалъ, что и правила эти могутъ подлежать отмѣнѣ и могутъ быть вполне сохранены именно при усиленіи точности григоріанскаго календаря. Сохраненіе древнихъ церковныхъ правилъ только и возможно при григоріанскомъ календарѣ, относящемъ, какъ и древнія правила, равноденствіе къ 21—22 марта, а никакъ ни при юліанскомъ, по которому въ 1904 г. равноденствіе будетъ 8 марта. Димитрій Θεодоровичъ и чувствовалъ и видѣлъ это, но онъ не любилъ говорить объ этомъ, а когда былъ вынужденъ говорить, ссылаясь на обязательность для насъ выработавшейся у насъ практики. За всеѣмъ тѣмъ онъ не отрицалъ всеѣмъ нужды въ реформѣ календаря, онъ только находилъ, что еѣ должно помедлить. По теперешней системѣ дни празднованія пасхи возвращаются къ тѣмъ же числамъ и той же послѣдовательности черезъ 532 года, потому что черезъ этотъ періодъ возвращаются къ тѣмъ же числамъ фазы луны и дни недѣли (фазы луны возвращаются къ тѣмъ же числамъ черезъ 19 лѣтъ, дни недѣли—черезъ 28 лѣтъ, тѣ и другіе—черезъ $19 \times 28 = 532$). Этотъ періодъ называется великимъ индиктіономъ. Онъ долженъ закончиться въ 1940 г. По окончаніи индиктіона, по мысли Димитрія Θεодоровича принятой имъ отъ Петра Спиридоновича Делицына—юліанское лѣтосчисленіе нужно замѣнить медлеровскимъ—въ каждые 128 лѣтъ нужно принимать не 32, а 31 высокосный годъ. Этотъ способъ счисленія гораздо точнѣе и юліанскаго и григоріанскаго. Система индиктіоновъ должна быть уничтожена и пасху нужно вычислять съизнова на каждые 128 лѣтъ. Димитрію Θεодоровичу пришлось имѣть дѣло съ противниками двухъ совершенно противоположныхъ лагерей, которыхъ впрочемъ сближало то, что за немногими исключеніями всеѣ они не понимали—въ чемъ дѣло? Либеральные противники требовали введенія точнаго стиля, но, вѣдь, Димитрій Θεодоровичъ въ системѣ Медлера предлагалъ точнѣйшій стиль; ультраконсервативные противники требовали вѣчнаго сохраненія пасхалии, которую можно вычислять „на перстахъ человѣческой руки“. Но такъ какъ не только персты человѣческой руки, но и таблицы логарифмовъ созданные человѣческимъ геніемъ не приспособлены

къ абсолютно точному счисленію, то понятно, что при руководствѣ перстами намъ пришлось бы когда-либо праздновать пасху и зимою. Впрочемъ разсужденія ультраконсерваторовъ (см. Симеона Соколова — православная пасхалія. Москва. 1900 г.) настолько нелѣпы и поражаютъ такимъ богословскимъ невѣжествомъ (пасхалія есть истина непреложная, вѣчно неизмѣнная; только церковь, какъ столпъ и утвержденіе истины, ведетъ правильный счетъ времянь), что не заслуживаютъ опроверженія. Но прискорбно, что авторъ указанной пасхаліи священникъ, видно, никогда не видалъ правилъ вселенскихъ соборовъ и не имѣетъ понятія о различіи между догматами и канонами. Димитрію Феодоровичу особенно это должно было быть прискорбно, потому что въ сущности эти его противники любили ту же истину, какъ и онъ,—православіе и были одушевлены самыми благими намѣреніями, но только по невѣжеству видѣли въ немъ врага. Во имя чего вообще шли противъ Димитрія Феодоровича? Во имя юліанскаго стиля? Онъ оставлялъ его еще на 40 лѣтъ, а въ 40 лѣтъ можно много разъ обсудить, какъ поступать далѣе. Во имя точнаго стиля? Онъ становился на сторону стиля самого точнаго изъ предложенныхъ, а что онъ отсрочивалъ введеніе его, это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ въ періодъ отсрочки юліанскій и медлеровскій стиль будутъ совпадать. Однимъ противникамъ Димитрія Феодоровича хотѣлось, чтобы реформа была произведена *сейчасъ*; другимъ,—чтобы она не была произведена *никогда*. Онъ не былъ ни за *сейчасъ*, ни за *никогда*. *Inde igitur* противъ него тѣхъ и другихъ. Оставалась одна сторона дѣла, которую Димитрій Феодоровичъ не забылъ, но касаться которой онъ не хотѣлъ, потому что она теоретически очень трудна, а практически опасна. Въ те-перешнемъ лѣтосчисленіи даже по григоріанскому и тѣмъ болѣе по юліанскому календарю заключаются ошибки. Какъ исправить эти ошибки прошлаго и опредѣлить — какое на самомъ дѣлѣ число и какой годъ отъ Рождества Христова имѣемъ мы въ настоящій день? Астрономическая сторона этого вопроса была бы легко рѣшена, если бы была опредѣлена сторона историческая. Но при настоящемъ состояніи знанія этого сдѣлать нельзя: можно дѣлать только частныя и второстепенныя поправки традиціонно установлен-

ныхъ хронологическихъ датъ. Это—теоретическая сторона. Затѣмъ—практическая. Если при введеніи всеобщей переписи нашлись люди, которые предпочли заживо похоронить себя лишь для того, чтобы не быть записанными, то что произойдетъ на Руси у подобныхъ „малыхъ“, когда въ стилѣ будетъ уничтожено болѣе десятка дней. Если священнику Соколову, обязанному разсѣвать суевѣрія, пасхалія представляется вѣчною и непреложною, то вѣдь, за нимъ и много ниже его стоятъ массы, для которыхъ непосредственное введеніе новаго стиля можетъ оказаться непосильнымъ искушеніемъ. Ясно было для Дмитрія Θεодоровича, что въ сущности должно быть ясно и для другихъ, что практическія неудобства отъ юліанскаго календаря приблизительно равны нулю. Только въ 1900 г. при международныхъ сдѣлкахъ заключеніе ихъ усложнялось тѣмъ, что у насъ годъ былъ равенъ 366 днямъ, а на западѣ—365 дн. Но это было предусмотрено, рассчитано и не повело ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Снова такое осложненіе можетъ явиться лишь черезъ двѣсти лѣтъ. Но будемъ надѣяться, что гораздо раньше этого и григоріанскій и юліанскій стиль замѣнятся болѣе точнымъ и совершеннымъ.

Работа надъ календаремъ, это—кабинетная работа Дмитрія Θεодоровича. Но хотя онъ жилъ одиноко, онъ не былъ человѣкомъ всецѣло замкнувшимся въ кабинетѣ или кельѣ. Онъ не уклонялся отъ людей и отъ общества, охотно спрашивалъ и охотно любилъ говорить. Кромѣ лекцій онъ любилъ занимать студентовъ по вечерамъ демонстраціями съ волшебнымъ фонаремъ, съ телескопомъ. У него много было отношеній къ студентамъ по братству преподобнаго Сергія, основанному при Академіи для вспоможенія недостаточныхъ студентовъ и бывшихъ воспитанниковъ Академіи. Со смерти Виктора Дмитріевича Кудрявцева (3 декабря 1891 г.) и до 3 мая 1903 г. Дмитрій Θεодоровичъ былъ предсѣдателемъ братства. Тяжела для него была эта должность. Онъ характеризовалъ ее, какъ крестъ, и затѣмъ прибавлялъ: убыточная эта должность. Для него дѣйствительно она была страшно убыточною, такъ какъ въ качествѣ предсѣдателя онъ считалъ своею обязанностью помогать нуждающимся не только изъ средствъ братства, но и изъ собственныхъ средствъ. Безъ сомнѣнія много студентовъ сохранить

къ нему чувства глубокой благодарности. Въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, какъ профессоръ, понятно, онъ былъ безусловно добросовѣстенъ. На экзаменахъ онъ записывалъ содержаніе отвѣтовъ студентовъ. Это была система его отца, который подобныя записи дѣлалъ искусно. Новопоступавшихъ студентовъ онъ поражалъ своею скромностію. Существуетъ такой разсказъ. Пріѣхавшій держать пріемные экзамены семинаристъ, встрѣтилъ у подъѣзда Академіи Дмитрія Ѣодоровича и, принявъ за слугу, приказалъ ему внести въ зданіе привезенныя имъ вещи. И Дмитрій Ѣодоровичъ будто бы ихъ понесъ. Несомнѣнно, что этого не было и не потому что Дмитрій Ѣодоровичъ считалъ унизительнымъ оказать подобную услугу семинаристу. Въ этомъ онъ унизительнаго по своимъ принципамъ не могъ видѣть. А потому что этимъ онъ поставилъ бы потомъ въ крайне унизительное положеніе этого семинариста. Теперь за скромность Дмитрія Ѣодоровича расплачивается какой-то фантастическій Х, а тогда изъ года въ годъ имя злополучнаго семинариста переходило бы изъ устъ въ уста. Дмитрій Ѣодоровичъ не могъ допустить этого. Онъ держалъ себя *правильно*—въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Приходилось ему читать сочиненія на степени, принимать участіе въ диспутахъ. Здѣсь по обычаю онъ представлялъ поучительную добросовѣстность. Онъ читалъ очень медленно и съ формальной стороны очень тщательно, онъ просилъ магистрантовъ или докторантовъ о разъясненіяхъ, просилъ измѣнять выраженія или перепечатывать разсужденія, если они ему казались неправильными. Вслѣдствіе этого ему приходилось вступать въ утомительную и порой непріятную переписку. А вѣдь, можно поступать гораздо проще: непонятныя мысли автора—не обращаясь къ нему за разъясненіями даже тогда, когда это очень легко сдѣлать—объявлять неправильными и тѣмъ болѣе съ легкимъ сердцемъ объявлять неосновательнымъ и неправильнымъ все, что показалось такимъ съ перваго взгляда.

Въ отношеніяхъ Дмитрія Ѣодоровича къ сослуживцамъ было много такого, что вызываетъ на размышленія. Онъ старался каждому говорить доброе, но не лживо-любезное, какъ говорятъ вообще люди, а хотѣлъ указывать дѣйствительно доброе сдѣланное или сказанное или написанное

тѣмъ или инымъ лицомъ. Онъ не говорилъ о непрочитанной книгѣ ея автору, что она прекрасна, и не хвалилъ прочитанной книги, если она ему не нравилась. Тогда онъ молчалъ. Но онъ любилъ напомнить о добромъ: Вы тогда-то сказали то-то, написали то-то. Порою и сдѣлавшій и написавшій уже основательно забылъ это. Такъ что одинъ изъ профессоровъ сказалъ о немъ: „отъ него только и узнаешь доброе о самомъ себѣ“. По человѣческой слабости надъ нимъ нерѣдко подтрунивали, надъ его старозавѣтными привычками и обычаями. Онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ насмѣшки или ироніи—правда, обыкновенно безобидныхъ,—и онъ никогда ни въ глаза, ни за глаза не высказывалъ недовольства такимъ къ нему отношеніемъ. Но когда задѣвали не его, а его убѣжденія, отрицали полезность преподаваемого имъ предмета или представляли предметъ въ комическомъ видѣ, или ставили ему серьезныя возраженія, онъ слагалъ слова въ сердцѣ, много думалъ о нихъ, черезъ мѣсяцы заводилъ о нихъ рѣчь, защищалъ свои положенія и искалъ союзниковъ. На товарищескихъ академическихъ собраніяхъ онъ любилъ подниматься съ тѣмъ, чтобы предложить присутствующимъ по поводу празднуемаго событія „нѣсколько историческихъ воспоминаній“. Всегда его слова были интересны и обыкновенно клонились или къ восхваленію какихъ-либо дѣятелей или по крайней мѣрѣ къ ихъ реабилитаціи. Его иногда немногія слова заставляли разсѣваться тяготящее надъ какимъ-либо дѣятелемъ историческое обвиненіе.

Старался Димитрій Ѳеодоровичъ быть полезнымъ и пріятнымъ дѣтямъ. Онъ охотно принималъ предложенія прочитать или показать что-либо въ школахъ. Въ обществѣ, гдѣ были дѣти, охотно вступалъ съ ними въ игры. Помнится, не такъ давно съ десяти, двѣнадцатилѣтними мальчиками и дѣвочками онъ игралъ въ одномъ собраніи въ веревочку. Думается, для дѣтей, для рабочихъ онъ могъ бы быть прекраснымъ преподавателемъ естествознанія съ его ясностью мысли и простотою изложенія. Дѣти посада звали его „добрымъ дѣдушкой“. Предметомъ многихъ заботъ и безпокойствъ служили для него и взрослые дѣти—малые міра сего. Раздавалъ онъ все, что имѣлъ. Онъ получалъ жалованья не менѣе двухсотъ рублей въ мѣсяцъ, на себя не

тратилъ и нѣсколькихъ десятковъ рублей и не имѣлъ средствъ сшить себѣ пальто и нерѣдко принужденъ былъ обращаться къ займамъ. О своей благотворительности онъ не говорилъ. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ завѣту своего отца, что ненужно говорить о благотвореніяхъ, а если при этомъ приходится испытывать и непріятности (существуетъ вѣдь много просителей наглыхъ, требовательныхъ и ничѣмъ не довольныхъ), то это— „алмазныя привѣски къ золотой цѣпочкѣ“. Должно благодарить Бога за то, что онъ даетъ намъ возможность благотворить и еще болѣе должно благодарить, если при этомъ приходится что-либо претерпѣвать. И претерпѣвать Димитрію Феодоровичу приходилось не мало. Нищія преслѣдовали его, какъ какая хищная стая. Порою изъ своей квартиры въ нужный ему домъ онъ пробирался какими-либо задаями, чтобы не быть настигнутымъ просителями, порою въ прекрасную погоду онъ ѣздить въ пролеткѣ съ спущеннымъ верхомъ, завѣсившись, чтобы его не узнали. Но все это удавалось плохо. Просители узнавали его, настигали экипажъ и оттуда высовывалась блѣдная рука Димитрія Феодоровича, и начинали сыпаться монеты. Онъ раздавалъ деньги извощикамъ. Когда онъ входилъ въ какой-либо домъ, онъ давалъ деньги прислугѣ раньше, чѣмъ она могла оказать ему какую-либо услугу. Много имѣлъ онъ пансіонеровъ и среди болѣе или менѣе интеллигентнаго пролетаріата. На его могилѣ (на другой день послѣ погребенія) авторъ настоящей статьи слышалъ такой рассказъ отъ одного священника. Священникъ вошелъ въ Московское отдѣленіе государственнаго банка и увидѣлъ Димитрія Феодоровича переходящимъ отъ одной къ другой кружкѣ для благотворительныхъ сборовъ и опускающимъ въ нихъ деньги. Священникъ спросилъ у сторожей: знаютъ ли они этого старика?—Какъ не знать, отвѣчали тѣ, онъ бываетъ здѣсь разъ 6—7 въ годъ и никогда не опуститъ ни одной кружки. Знали ли Димитрій Феодоровичъ, что у него были такіе наблюдатели?

Благотворя низшимъ, Димитрій Феодоровичъ былъ въ высшей степени почтителенъ къ высшимъ. Это не была почтительность заискивающая, но почтительность по долгу. Онъ относился съ почтеніемъ и къ тѣмъ, которые скорѣе нуждались въ немъ, чѣмъ онъ въ нихъ, онъ относился съ

почтениемъ и къ памяти умершихъ и порою принималъ мѣры къ тому, чтобы скрыть тѣни, падающія на такую память. Въ концѣ 1897 года было нужно напечатать письма Θεодора Александровича Голубинскаго къ архіепископу Иннокентію, нашему знаменитому церковному оратору. Письма эти однажды уже были изданы. Въ нихъ Θεодоръ Александровичъ, какъ цензоръ, указываетъ въ весьма почтительной формѣ архіепископу Иннокентію допущенныя имъ {ошибки и неправильности (искаженіе церковныхъ вѣснословій, догматически неправильныя выраженія). Въ этихъ письмахъ ярко выступаетъ и добросовѣстность и эрудиція и деликатность Θεодора Александровича, и однако сынъ, для котораго память отца была предметомъ культа, не позволилъ перепечатать этихъ писемъ, потому что они набрасывали тѣнь на такого великаго человѣка, какъ архіепископъ Иннокентій. „Прочтутъ и скажутъ, говорилъ онъ, вотъ и великіе люди писали съ маху“. А между тѣмъ онъ самъ сообщилъ, что архіепископъ Иннокентій былъ недоволенъ его батюшкой за эти письма и послѣдующіе томы своихъ проповѣдей отдавалъ въ кievскую цензуру. Даже грѣхъ словъ Димитрій Θεодоровичъ стремился покрывать забвеніемъ. Тѣмъ болѣе онъ не могъ вести рѣчи о прошедшихъ грѣхахъ дѣль. Къ чему говорить о грѣхѣ, который допустилъ какой-либо дѣятель и можетъ быть давно и горячо оплакалъ: Рѣчь о прошедшемъ грѣхѣ только родитъ злорѣчье и новые грѣхи. Онъ сообщалъ, что сжегъ часть своего дневника. Несомнѣнно, что и въ этой погибшей части онъ не сказалъ ничего дурного, но онъ подумалъ, что путемъ умозаключеній изъ написаннаго имъ могутъ вывести о комъ-либо дурное и, чтобы не случилось этого, онъ уничтожилъ свой трудъ.

Отрадно отмѣтить, что за свои высокія нравственныя качества Димитрій Θεодоровичъ былъ почитаемъ и цѣнимъ всѣми. Высокопоставленныя лица писали къ нему письма, исполненныя любви и почтенія. Выражали ему почтеніе и во внѣшнихъ знакахъ вниманія. Такъ хотя онъ былъ преподавателемъ сверхштатнымъ Св. Синода утвердилъ за нимъ званіе заслуженнаго профессора (по уставу полагается лишь для прослужившихъ при Академіи 25 лѣтъ въ штатныхъ преподавательскихъ должностяхъ). По существу, конечно, едва-ли кто имѣлъ болѣе правъ на это званіе, чѣмъ онъ.

Онъ заслужилъ Академіи. Вся его жизнь прошла подъ ея сѣнью и въ служеній ей. Никто лучше его не зналъ ея исторіи. Онъ былъ живою лѣтописью Академіи: онъ точно помнилъ событія, ихъ хронологическія даты, обстановку, при которой они происходили. Другая награда, которую дали ему, менѣе подходила къ нему. Его не имѣющаго чина произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но на генерала онъ походилъ мало. Самую лучшую награду дали ему тѣ люди нерѣдко сомнительныхъ профессій, которые обрывали у него звонки и не давали ему своими просьбами проходу на улицахъ. Они отзывались о немъ: „другого такого святого старика не найдешь во всей Россіи“.

И вотъ—теперь онъ умеръ. Болѣзнь давно подкрадывалась къ нему. Онъ слабѣлъ, хирѣлъ, порою принужденъ былъ лежать, но лишь къ нему возвращалось подобіе силъ, вставалъ, производилъ опыты, читалъ лекціи, писалъ. Болѣзнь шла медленно, и временныя улучшенія давали надежды на поправленіе. Но смерть приближалась. 22-го ноября у него были посѣтители. Онъ бесѣдовалъ съ ними еще и о будущихъ дняхъ своей земной жизни, но они вынесли впечатлѣніе, что конецъ его близокъ. Ночь онъ провелъ тревожно, метался. Утромъ прислуга позвала священника. Въ 7 часовъ онъ причастился святыхъ таинъ и черезъ нѣсколько минутъ его не стало.

Назадъ тому четыре года Академія опустила въ могилу другого дѣлателя добра профессора Ивана Николаевича Корсунскаго. И Иванъ Николаевичъ и Димитрійъ Феодоровичъ много и щедро благодетривали разнаго рода милостынею. Вѣримъ, что на послѣднемъ судѣ и Господь воздастъ имъ щедро. Но теперь, когда около насъ не стало этихъ хорошихъ людей, жизнь какъ то стала сумрачнѣе и печальнѣе.

С. Глаголевъ.
